

0462

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Барбара Уоллес

**ВСЕГДА
ГОВОРИ «ДА!»**

Ты сама себе марты

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Барбара Уоллес
Всегда говори «Да!»
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 462

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9755500
Всегда говори «Да!»: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05610-8

Аннотация

Хантер привык держать ситуацию под контролем. Намного легче жить, когда знаешь, что сердце твое навсегда останется твердым гранитом, а чувства не помешают работе. Он не хотел быть принцем, не хотел спасать заколдованных принцесс и пробуждать их ото сна поцелуем. Однако, встретив Эбби, он поневоле берет на себя роль героя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Барбара Уоллес

Всегда говори «Да!»

The Courage To Say Yes © 2013 by Barbara Wallace

«Всегда говори «Да!» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

– Куда это ты собралась?

Толстые пальцы схватили Эбби за запястье. Она замерла, ненавидя себя за такую реакцию.

– Отпусти меня, Уоррен! – сказала она.

Ее бывший бойфренд замотал головой:

– Я еще не закончил с тобой.

– Нам больше не о чем говорить. – Эбби попыталась освободить руку, но Уоррен держал ее крепко.

– С каких это пор ты указываешь, что мне делать? – прошипел он.

Его пальцы впились в ее руку. Черт, у нее, наверное, останутся синяки.

– Уоррен, пожалуйста! – по привычке начала упрашивать Эбби. – Клиенты...

– Да плевать на клиентов!

Несколько человек повернули голову в их сторону. Эбби не осмеливалась посмотреть, видит ли Гай – ее босс – эту сцену.

– Знаешь, ты сама виновата! – продолжал Уоррен. – Я бы не пришел в эту... эту забегаловку, если бы ты не вела себя как ребенок.

– Привет, Эбби!

Звук ее имени был слышен сквозь шум завтракающих по-

сетителей и заставил пульс резко участиться. Эбби сразу же узнала этот голос. Фотограф. Она ждала его последнюю дюжину дней. Он всегда садился за угловой столик и читал газету, в то время как его дорогушая камера лежала на стуле рядом с ним. Спокойный, расслабленный. Хантер, или как там его звали – Эбби никогда не придавала этому большого значения, – направлялся прямо к ним, прокладывая путь между столов с изящной аккуратностью. Уоррену явно не понравится такое вмешательство.

– Вам что-то нужно? – спросил он, прежде чем она успела сказать хоть слово.

– Я бы хотел еще немного кофе, – произнес Хантер, даже не взглянув на ее бывшего. – Конечно, если я вас не отвлеку от разговора.

– Хм... – Эбби посмотрела на Уоррена, пытаясь понять, какой будет его реакция.

После шести лет, проведенных вместе, она научилась отлично понимать выражение его лица. Потемневшие глаза не предвещали ничего хорошего. С другой стороны, Эбби знала, что он предпочитает не выносить сор из избы и обычно угрожает ей наедине.

– Ты слышала, что тебе сказал мужчина? Ему нужен свежий кофе, – произнес Уоррен. – Ты же не хочешь заставить своего клиента ждать?

Наклонившись к ней, он демонстративно поцеловал ее в щеку, словно отмечая свою территорию. Эбби подавила в се-

бе желание стереть след от его губ со своей щеки.

– Увидимся позже, малышка!

От его обещания ее желудок сжался.

– Какой чудесный парень, – растягивая слова, произнес Хантер из-за ее плеча.

– Да уж, просто милашка. – Эбби потеряла ноющее за-
пястье.

Как она могла подумать, что сможет спокойно уйти от него? Он постоянно повторял, что она – просто бесполезный кусок дерьма, но это совсем не означало, что он был готов оставить ее в покое. По его глубокому убеждению, она была его собственностью.

Машина Уоррена отъехала от тротуара. Он, конечно, уехал, но ничего хорошего это не предвещало. Он обязательно вернется. Сегодня. Завтра. Через неделю. Будет давить, кричать и пытаться вернуть ее домой.

Ее завтрак запросился обратно, и Эбби ухватилась за стул.

– Вы в порядке? – Она едва расслышала вопрос Хантера.

– В-все н-нормально. – В тысячный раз за последние шесть недель она постаралась утихомирить свои нервы. Ее беспокойство означает только то, что Уоррен все еще контролирует ее. – Все в порядке, – повторила она. – Я пойду принесу вам кофе.

– Да забудьте вы о кофе! У меня все нормально, – ответил он.

– Но вы сказали... – Эбби резко остановилась, поняв, что

Хантер имел в виду. Значит, он вмешался не случайно.

– Всегда пожалуйста! – Хантер развернулся и направился к своему обычному столику.

Эбби даже не знала, что сказать. С одной стороны, она должна быть ему благодарна, ведь он помог ей выпутаться из весьма сложной ситуации. За все годы, которые она провела с Уорреном, никто и никогда не заступался за нее. Но с другой стороны, она же не просила его о помощи.

И было нетрудно представить, что другие люди, например этот фотограф, могли подумать. Ее руки до сих пор тряслись от нервного напряжения, она пригладила волосы, прежде чем посмотреть на столик, за которым сидел Хантер, потягивая кофе. В своей выцветшей куртке и темных очках, поднятых на густые темные волосы, он выглядел именно так, как должен выглядеть фотограф, который, уворачиваясь от пуль, делает свои гениальные снимки. В таком виде – в потертых джинсах, поношенной спортивной рубашке – любой бы смотрелся глупо, если бы не походил на кинозвезду. Хантер глупо не выглядел. Его фигуре и форме скул позавидовал бы любой актер в Нью-Йорке. Хотя и в Лос-Анджелесе тоже, решила Эбби. Уоррен был мягким и рыхлым, Хантер же – подтянутым и жестким, очертания его тела состояли из углов и прямых линий. Неудивительно, что Уоррен сразу пошел на попятный. Он, может, и был хамом, но не тупицей.

– Эбби, заказ готов! – Гай высунул свою лохматую голову из окошка кухни и ударил по колокольчику. – Тащи быст-

ро свою задницу сюда! Если хочешь и дальше стоять тут, то найди себе какой-нибудь угол на улице и стой там сколько хочешь!

Эбби подошла к стойке, чтобы забрать две тарелки с яичницей и беконом.

– Скажи своему бойфренду: если он хочет навестить тебя здесь, пусть делает заказ, как и все остальные. Я не собираюсь тебе платить за то, чтобы ты стояла и чесала языком. – Гай грохнул на стойку перед ней тарелки.

– Он не мой... А, да какая разница. – Эбби взяла тарелку, слегка поморщившись, когда ее больное запястье заныло от дополнительной нагрузки.

– Не обращай на него внимания, – посоветовала Эллен одна из официанток, когда проходила мимо. – Он сегодня с утра как медведь с больной головой.

Будучи редким скупердяем, босс тем не менее оказался единственным, кто был готов нанять неопытную официантку. Живя с Уорреном, Эбби не приобрела каких-либо ценных для работы навыков, если не считать ее умения распознавать плохое настроение и передвигаться по жизни как по минному полю. А эта работа уберегала ее от нищеты. Без кафе Эбби в буквальном смысле могла закончить на улице, стоя на углу.

Доливая свежий кофе посетителям, Эбби вдруг почувствовала, как волоски на затылке встали дыбом. Кто-то опре-

деленно наблюдал за ней. И не тот, кому нужна была официантка. Ее голова машинально повернулась в сторону входной двери. Пусто.

Ей не нравилось, что кто-то ее рассматривает. Из прежнего опыта она знала, что ничего хорошего потом не будет. Нахмурившись, Эбби обвела взглядом зал, пока не наткнулась на стол в дальнем конце, за которым сидел Хантер. Она могла поспорить, что его взгляд был направлен прямо на нее.

Впервые она заметила, какие у него глаза: странное сочетание голубого и серого. Они казались стальными под светом ламп.

Поняв, что привлек ее внимание, Хантер кивнул и протянул свой счет. Эбби почувствовала, как ее щеки загорелись. Ну конечно же! Зачем еще ему рассматривать ее, как не для того, чтобы оплатить заказ? После визита Уоррена ее мозги совсем перестали работать. В конце концов, она не та женщина, вслед которой оборачиваются мужчины. Да и день сегодня не из лучших. Лицо красное, потное. А волосы? Эбби уже несколько часов назад махнула рукой на свою прическу.

Она решила быстро взять его счет и пройти мимо, чтобы избежать неловких разговоров. Помня о сегодняшнем вмешательстве Хантера, она сомневалась, что сможет чувствовать себя комфортно рядом с ним.

К удивлению Эбби, когда она хотела взять счет, он не выпустил его из рук.

– Что случилось? – спросила она.

– Это вы мне скажите. – Его глаза опустились на ее запястье. На месте, где были пальцы Уоррена, теперь красовались синяки.

Черт. Эбби так надеялась, что не останется никаких следов. Отпустив счет, она натянула рукава своей блузки до самых пальцев.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– У вас все пирожки выглядят как яичница?

– Что? – Его вопрос казался бессмысленным.

– Судя по счету, я заказал черничные пирожки и ржаные тосты.

– Простите, пожалуйста. Видимо, я по ошибке дала вам счет с другого стола.

– Опять.

– Опять, – повторила Эбби.

Все правильно. Вчера она допустила такую же ошибку.

– Это случается, когда вы чем-то расстроены.

– Или очень занята, – возразила Эбби, отказываясь заглотить наживку.

Она пыталась избавиться от мыслей об Уоррене, и до тех пор, пока ей это не удалось, не было никакого смысла обсуждать эту тему. Вытащив блокнот с бланками заказов, она пролистала страницы.

– Вот ваш заказ, – сказала она, отрывая новую страницу. – Обжаренная с двух сторон яичница, бекон и тост из цельного зерна. То же, что и обычно. Вы хотите, чтобы я вас рас-

считала?

Чем скорее Хантер оплатит счет, тем быстрее уйдет. И тогда она сделает вид, что ничего не случилось.

– Да, пожалуйста.

Хантер заметил, что в этот раз Эбби потянулась за счетом правой рукой, спрятав левую. Зачем так сильно сжимать чью-то руку, чтобы оставить на ней такие следы? Похоже, Хантер был зол.

Потягивая остатки холодного кофе, он наблюдал, как Эбби оплачивает его счет, держа рукав блузки натянутым практически на пальцы. Безуспешная попытка скрыть очевидное. С первого же взгляда Хантер понял, что этот парень – первокурсный ублюдок. Чрезмерно дорогая кожаная куртка и прическа просто вопили о том, каким важным он себя чувствовал. Однако для Хантера стало сюрпризом, когда этот парень подошел к Эбби. Если кто и был полной противоположностью этому типу, так это официантка. С тех пор как Хантер вернулся, он каждый день приходил в кафе Гая, пытаясь понять, что же заставляет его изо дня в день сидеть на одном и том же месте. Уж не обслуживание точно – Эбби регулярно путала его заказы. Ее внешность? Она была слишком худа и угловата, так что красавицей назвать ее нельзя. Но было в ней что-то, что удерживало взгляд. Ее волосы цвета жженого сахара, убранные в пучок, жили собственной жизнью. Они постоянно сваливались то на одну сторону, то на другую, и с течением дня все больше и больше прядей вы-

рывалось на свободу. Цвет ее волос напоминал ему пляжи Сицилии, теплые, золотые. К счастью, Гай, кажется, не особенно следил за соблюдением дресс-кода. Было бы жаль прятать этот восхитительный цвет под какой-нибудь уродливой косынкой.

Еще у нее были пленительные глаза. Большие карие глаза, размером с блюдце.

Звонок над входной дверью звякнул. Хантер заметил, как официантка напряглась и бросила нервный взгляд в сторону входа. Беспокоится, что это ничтожество опять вернется? Или не вернется? Все возможно. Теперь Хантер знал, что у его золотоволосой официантки имелась темная сторона жизни, и ей нравилось грубое обращение. Его уже ничего не удивляло.

Ну, почти ничего. Хантер умудрился удивить себя самого сегодня утром. С каких это пор он лез в чужие дела?

Деликатное покашливание прервало ход его мыслей. Взглянув вверх, он увидел, что Эбби стоит рядом со столом и держит кофейник. Опять в правой руке.

– Запястье болит? – не смог он удержаться от вопроса.

– Нет. – Ответ был быстрым, как будто она защищалась. – Почему оно должно болеть?

Ну, не хочет делиться, и не надо. В любом случае это не его дело.

– Можно мне ручку? Чек нужно подписать.

Ее щеки слегка порозовели, когда она передавала ему руч-

ку из своего кармана. Хантер нацарапал свое имя и начал собирать вещи.

– Спасибо вам. – Слова долетели до него, как раз когда он вешал свою камеру на шею.

Он только услышал нежный голос и увидел, что официантка уже повернулась к нему спиной. Возможно, это была благодарность за тридцатипроцентные чаевые. А может быть, и нет. Он избавил их обоих от смущения, которое вызвал бы его ответ.

Слово «рассеянная» не могло в полной мере описать, в каком состоянии находилась Эбби остаток дня. Все свою смену она провела в ожидании, что Уоррен вот-вот схватит ее за плечо. К тому времени, как закончила работу, она умудрилась перепутать еще четыре заказа. Не все клиенты были столь же великодушными, как Хантер. Гай был готов вытолкать непутевую сотрудницу за дверь.

– Убедись, что завтра голова у тебя будет на месте! – ворчал он, когда Эбби собиралась домой.

Она наконец-то вышла на пустую улицу и стала ждать такси. Как же ей не хотелось вновь жить с оглядкой. После этих шести недель Эбби наивно начала думать, что ее время принадлежит только ей.

Выдохнув, она наклонилась к перилам напротив кафе. Она терпеть не могла ездить на такси, так как это было дорого. Но она боялась Уоррена, который несколько раз бил ее.

А что, если он перейдет все границы дозволенного?

Слезы злости наполнили глаза Эбби, но она сморгнула их. Уоррен не выигрывает. Она ему не позволит.

В этот момент какое-то движение привлекло ее взгляд. Она напряглась, ненавидя себя за неловкость и боязливость. Она посмотрела вокруг и увидела фотографа, идущего вниз по улице с камерой, болтающейся у него на шее. Солнце-защитные очки теперь скрывали неповторимый цвет глаз. Сердце ее затрепетало.

– Все в порядке? – спросил фотограф, когда подъехало ее такси.

Он и так уже знал гораздо больше, чем ему следовало. Эбби проскользнула на заднее сиденье, решив даже не отвечать ему.

Весь следующий день Хантер провел, снимая окрестности и достопримечательности города, собираясь обновить свое портфолио. Он уже сделал гораздо больше снимков, чем ему было нужно, но продолжал работу, просто чтобы занять себя. Он не любил сидеть без дела, его это нервировало – черта, доставшаяся в наследство от отца.

Стоило Хантеру завернуть за угол по пути к дому, как знакомая золотая вспышка притянула его взгляд. Это была Эбби. Она стояла, прислонившись к перилам лестницы в кафе, ее угловатая фигурка была закутана в шерстяное пальто. Судя по взгляду и выражению лица, мысленно она была за ты-

сячи миль отсюда. Ее волосы, убранные когда-то в пучок, превратились в беспорядочную массу, спадающую на плечи, а большая часть прядей выбилась и обрамляла лицо.

Неожиданно Хантер почувствовал волнение, которое всегда появлялось перед созданием особенного кадра.

Эбби выглядела уставшей и измученной, как любая женщина, отработавшая восемь часов на ногах, но ее плечи и спина оставались на удивление прямыми. Как будто отказывались признавать тяжесть этого мира. Прежде чем она могла заметить его присутствие, Хантер поднял камеру и сделал полдюжины снимков. Он умудрился сделать последний кадр, когда она повернулась к нему. Хантер приблизил изображение, пока ее лицо не заняло весь кадр. И тогда он увидел слезы, наполнявшие глаза Эбби, отчего они казались сияющими карими зеркалами. Хантер не удивился бы, если бы разглядел в них свое отражение.

Сделав последний снимок, Хантер опустил камеру. Он заметил, как Эбби неожиданно сжала перила, и догадался, что она все еще нервничала. Собственная реакция встревожила его.

– Все в порядке? – спросил он, как раз когда подъехало такси.

Он не ожидал ответа, поэтому не был разочарован, когда Эбби молча села в машину.

Когда Хантер наконец добрался до своей квартиры, он обнаружил толстый конверт в почтовом ящике. Это была копия

туристического путеводителя, для которого он делал снимки в начале года. Новая Зеландия, Новая Гвинея – одно из этих мест. Хантер бросил конверт на диван, отчего бумаги, лежавшие там, разлетелись в разные стороны вместе с меню из китайского ресторана. С тех пор как Кристина – его ассистентка – ушла, чтобы строить собственную карьеру фотографа, его квартира превратилась в склад. Кристине гораздо интереснее было делать собственные снимки, чем помогать боссу. Иногда Хантер подумывал нанять кого-то, чтобы навести порядок в этом хаосе, но он был гораздо больше заинтересован в съемках, чем в поисках замены.

Хантер подумал о снимках Эбби, которые только что сделал. Ему не терпелось увидеть, какими они окажутся на бумаге. Будут ли глаза Эбби такими же притягательными, как он ожидал? Когда дело касалось фотографий, инстинкты редко обманывали Хантера. К тому же он использовал лучшую аппаратуру.

«Никакой природный талант не заменит идеального кадра», – это он постоянно слышал от своего отца. Джозеф Смит провел всю свою жизнь охотясь за идеальным кадром.

Хантер включил компьютер, который стал единственным источником света в комнате. Современные технологии делали его работу быстрее и легче. Никаких переносных темных комнат, устраиваемых в отелях. Все, что нужно Хантеру – это ноутбук и карта памяти.

Однако временами Хантеру приходилось признавать, что

он скучал по прежнему способу работы. Было что-то таинственное и родное в запахе химикатов. Когда он был подростком, этот запах был единственной постоянной в череде вечно меняющихся событий. Иногда, заходя в очередной номер в гостинице, Хантер с тоской надеялся, что его окружают знакомые запахи.

Файлы с фотографиями выстроились в ряд на экране компьютера. Хантер снял больше, чем собирался, – преимущество цифровой фотографии. Просмотрев все иконки, он дошел до кадров, где была изображена Эбби. Как он и ожидал, она напоминала актрису из старого кино. Хантер почти физически ощущал ее усталость. Но вместе с тем и ее решимость. Он видел таинственный отблеск в глубине больших печальных глаз.

К своему удивлению, Хантер почувствовал приступ желания. Но снимки были лишь иллюзией. Мир по ту сторону линз был не таким, каким выглядел на фотографиях. По другую сторону камеры жила боль, отсутствие интереса, одиночество, смерть.

Лучше держаться на расстоянии, так чтобы сердце было тщательно спрятано от мира, который мог причинить вред. Из всех уроков, которые преподавал Хантеру отец, умение держать дистанцию было самым важным.

Однако Хантер обнаружил, что по каким-то причинам увлечен обычной фотографией официантки. Соблазнен теми эмоциями, которые разглядел в ее глазах. Бурей страстей,

скрытых под ровной поверхностью... Но уже через мгновение Хантер моргнул, и способность держать дистанцию, которой он так гордился, вернулась к нему. Он опять превратился в наблюдателя, а лицо Эбби стало просто еще одной фотографией. Интригующим, но в конечном счете бессмысленным моментом времени.

Глава 2

Для большинства жителей Нью-Йорка дом Маккензи был неприметным кирпичным зданием с выцветшей зеленой дверью. Но для женщин, находящихся внутри, этот дом значил гораздо больше. Обветшалые комнаты означали начало новой жизни, в которой не было жестокости и насилия. Эбби прекрасно понимала, что ее история – просто цветочки по сравнению с тем, что пережили ее соседки по комнате. Но благодарность ее была не меньшей.

Эбби откинулась на спинку дивана в гостиной, и вскоре к ней подошла Кармелла, ее приятельница, одна из девушек, которые там жили.

– Ты выглядишь смертельно усталой. Долгий день? – спросила Кармелла.

– Самый долгий, какой только может быть. Уоррен сегодня объявился.

– Что? – Кармелла вздрогнула. – Он тебя выследил? Как?

– Я не...

Хотя подождите... Она, кажется, поняла. Как же глупо...

– Что? – спросила Кармелла.

– Это моя мать. Я позвонила ей и дала телефон кафе на случай срочной необходимости. – Эбби вытащила свой телефон и набрала номер. Буквально через два гудка она услышала усталый женский голос. – Привет, мама.

– Эбби... хм... привет! Какая неожиданность. – Джоанна Грей разговаривала так же, как и всегда, – немного испуганно. Хотя, может, именно так оно и было. – Я не могу говорить прямо сейчас, мне надо накрывать на стол.

Эбби посмотрела на часы. По ее подсчетам, было еще как минимум десять минут до обеда.

– Это не займет много времени, обещаю. Я просто хотела узнать, не звонил ли тебе кто-нибудь, кто пытался найти меня?

– Никто, кроме твоего молодого человека. Он сказал, что потерял номер телефона и твоей новой работы, и подумал, что я должна его знать.

Вот тайна и разгадана.

– Мама, я же тебе говорила, что мы с Уорреном расстались!

– Уоррен объяснил, что вы просто немного не поняли друг друга.

– Нет. Мы расстались. Я съехала из его квартиры. Помнишь, я тебе об этом рассказывала? – Не только это, но и всю остальную часть отвратительной истории.

– Я знаю, что именно ты говорила, милая. Но я решила, что ты передумала. Уоррен был таким вежливым по телефону. Кроме того, у него так хорошо идут дела. Тебе повезло, что такой мужчина, как он, готов принять тебя обратно.

Вот что для матери имело значение. В глазах Джоанны Грей самый паршивый мужчина был лучше одиночества.

– Джоанна! – Голос отчима Эбби был таким громким, что ей пришлось убрать трубку от уха. – Что ты там делаешь? Болтаешь по телефону?

– Извини, пожалуйста! – услышала она голос матери. – Это Эбби. У нее есть вопрос.

– Она должна придумать что-нибудь получше, чем звонить сюда во время обеда! Вешай трубку, я голоден!

Послышался какой-то шум, потом голос матери снова зазвучал в трубке, хотя и немного более измученный.

– Мне надо идти, милая.

– Да, конечно, мама. Я позвоню скоро.

Эбби не знала, услышала мама ее обещание или нет. Та просто повесила трубку. Некоторые вещи никогда не изменятся. По крайней мере, представления ее матери о жизни.

– Я была права, – сказала Эбби, уронив телефон на колени. – Уоррен позвонил ей.

Вот ведь ирония: пока они жили вместе, Уоррен не видел никакой пользы от ее родителей. Называл их бесполезным мусором и разговаривал-то с ними за все время от силы раза три. Но конечно же Джоанна дала ему телефон дочери.

Эбби потеряла внезапно заболевшую голову.

– Я, честно, думала, что после всех этих недель он просто будет жить дальше.

– Ну, некоторые мужчины не любят терять то, что, по их мнению, им принадлежит.

Уж Кармелла-то знала много об этом. Ее бывший поджег

их квартиру во время ссоры. По счастью, Уоррен не заходил дальше выкручивания рук или тумачков.

– Есть вероятность, что он тебя выследил? – спросила Кармелла.

– Нет. Он... м-м-м... ушел. – С подачи походной куртки и темных очков. – Я надеюсь, он понял меня и не вернется.

– Ага, конечно. А я окажусь на обложке «Вог» на следующей неделе. Ты врешь сама себе, если думаешь, что он оставит тебя в покое теперь, когда выследил.

Эбби была зла на себя за то, что верила, будто жизнь с Уорреном – это лучшее, на что она могла надеяться. В результате он полностью подчинил ее себе. Подобного больше не повторится. Эбби лучше останется одна, чем снова потеряет себя в отношениях с женщиной.

Ее мысли вдруг вернулись к Хантеру. Стоило Эбби подумать о нем, и она разозлилась и на него тоже. Новое чувство присоединилось к тем, которые уже кипели внутри. Смущение. Она многое сделала, чтобы сбежать от Уоррена и начать новую жизнь. Меньше всего Эбби сейчас нужен был такой вот герой из числа клиентов, который думал, будто знает ее секреты. Или еще хуже – жалел ее.

Зная свою удачливость, Эбби была уверена, что Хантер вернется за свой стол завтра утром и опять будет проверять ее синяки.

Уж проще было бы встретиться с бывшим.

– Яичница, пшеничный тост, бекон, – повторила Эбби, держа блокнот с заказами перед лицом, как щит.

Если она не будет смотреть в лицо Хантеру, то не увидит выражения его глаз. Достаточно плохо уже то, что мысли о встрече с ним перебрались в ее сны. Вроде после вчерашнего Эбби должна беспокоиться об Уоррене, но, закрыв глаза, думать могла только о Хантере.

– И вы не собираетесь записать заказ? – спросил Хантер.

– Нет необходимости.

После продолжительной паузы он спросил:

– Вы уверены?

Вопреки своим лучшим намерениям, Эбби опустила блокнот и уставилась на него:

– Вы считаете, что я не способна запомнить?

– Разве я так сказал?

Его взгляд был красноречивее слов. Да, было дело: она забывала несколько заказов в самом начале, но с тех пор стала работать гораздо лучше.

– Вы заказываете одно и то же вот уже двенадцать дней, – сказала Эбби.

– Приятно знать, что я такой незабываемый.

Скорее предсказуемый, хотелось ей поправить.

Хотя это было бы не совсем правдой.

– Пойду принесу ваш кофе.

– Как ваше запястье?

Именно этой темы Эбби очень хотела избежать.

– Прекрасно, – сухо ответила она.

Ее пальцы так и дернулись от желания натянуть рукав, чтобы прикрыть бинт. Синяки еще больше потемнели к утру. Одних длинных рукавов было уже недостаточно, чтобы спрятать следы «любви» Уоррена, поэтому Эбби забинтовала запястье и решила говорить всем, что просто обожглась. И надо же было такому случиться, что первым же человеком, заговорившим с ней об этом, был тот, о ком она и слышать не хотела.

– Я сейчас вернусь с вашим кофе. – Она развернулась на каблуках.

Эбби спиной чувствовала взгляд Хантера все время, пока шла к стойке. Она не привыкла, чтобы ее так разглядывали. Фактически Уоррен был первым, кто уделил ей хоть какое-то внимание. И посмотрите, во что это вылилось? Нервы Эбби были на пределе. То, что со стороны Хантера это было не более чем сочувственное любопытство, делало ситуацию только хуже и заставляло Эбби чувствовать себя раненым зверем. Уголкем глаза она поймала свое отражение на стальной поверхности. Мягкие, непослушные волосы, бледная кожа. Да уж, будто она может привлечь чье-то внимание. Страшно было подумать, что Уоррен окажется прав и это лучшее, что она когда-либо получит от жизни.

Натянув рукав до самых пальцев, Эбби отправилась к столу Хантера.

– Вы собираетесь окончательно растянуть свой рукав? –

заметил он.

Это ее свитер. Если она хотела его растянуть, то имела полное право это сделать.

– Вам нужны сливки?

– Только не говорите, что вы уже забыли!

– Простите, пожалуйста. Видимо, вы все-таки не такой забываемый. – Эбби потянулась в карман своего фартука за порционными сливками, которые она прихватила с собой, когда забирала кофе. Рукав кофты задрался. Не важно, смотрел Хантер на ее повязку или нет – не имело значения.

– Я знаю, что вы думаете, – сказала она вдруг.

– Вы знаете?

– Да. Вы ошибаетесь. Я не такая.

– Не какая?

– Я не... – Эбби подняла перевязанную руку. – Больше такого не повторится. Я ушла от Уоррена.

– О...

И это все? Просто «о»? Эбби смотрела, как Хантер подул на чашку, его губы слегка сжались – единственное, что изменилось в выражении его лица.

– Похоже, он не слишком хорошо воспринимает ваш разрыв, – сказал он в конце концов.

– Ничего, привыкнет. Вчера был... – Не было необходимости вдаваться в подробности. – Послушайте, я рассказываю это только потому, что вы...

– Увидел синяки?

– Почему бы вам не покричать об этом? Еще не во всех районах города вас слышали. – Прикрывая повязку, Эбби посмотрела на соседние столы. К счастью, никто ничего не услышал. А если и услышал, то предпочел не показывать этого. – Я просто хотела, чтобы вы поняли. Из-за вчерашнего. Не то чтобы я не оценила ваш поступок и все такое...

– Всегда пожалуйста.

– Но дело в том, что мне не нужна была помощь. Ситуация была под контролем.

– Да уж, я заметил.

– Seriously, так и было. – Эбби не понравилось, как фальшиво прозвучал ее ответ. От этого она еще больше начала защищаться. Может, она и не контролировала ситуацию в тот конкретный момент, но она разобралась бы с этим потом. – Так что вам не придется повторять этот подвиг.

– Другими словами, занимайся своими делами?

– Я просто говорю, что в этом нет необходимости.

Хантер кивнул:

– Рад слышать. Я вообще не из разряда спасателей, начнем с этого.

– Разве?

– Не-а. Как вы сказали? Меня это не касается.

– Но тогда почему?..

– Почему я вмешался вчера? – Он пожал плечами. – Ну что я могу сказать? Моя мама была южанкой и учила меня быть джентльменом.

Значит, он защищал ее честь. Желудок Эбби сжался.

– Что ж, вы можете сказать своей маме, что ее уроки не прошли даром.

– Я бы сказал, но она умерла.

– О, мне очень жаль...

– Не стоит. Это было двадцать лет назад.

Когда он еще был ребенком. Значит, у ее героя было печальное прошлое. Человеческая сторона, которая уравновешивала его внешность кинозвезды.

– Эбби! Клиенты! – Голос Гая перекрыл звон тарелок и вилок. – Давай-ка шевелись!

– Долг зовет. – Все остальные разговоры могут подождать. – Я принесу вашу яичницу, как только она будет готова.

Под контролем, конечно же! Хантер наблюдал, как Эбби поспешила к двум бизнесменам, сидящим через два стола. Ее хвост подскакивал в такт шагам. Повязка на запястье сверкнула белизной, когда Эбби подняла блокнот. Кого она пыталась убедить? Его или себя?

Это не его дело. Раз леди сказала, что держит ситуацию под контролем, то дальнейшее его совершенно не касается. Хантера это абсолютно устраивает.

Он потянулся за своей сумкой и достал бумажную папку. Внутри находилось фото Эбби. После долгих размышлений Хантер все же решил, что черно-белый снимок более выра-

зительно подчеркивает тени на ее щеках.

Хантер всмотрелся в глаза Эбби. Да, все очевидно. Печаль. Говорят, что глаза – зеркало души, а эта фотография смогла запечатлеть ее настроение. В случае с Эбби это был настоящий калейдоскоп эмоций. И что это за эмоции? Фотография, как и любой вид искусства, всегда оставляла пространство для нескольких интерпретаций.

Обслужив бизнесменов, Эбби вернулась к окну заказов и попыталась разойтись с другой официанткой, руки которой были заняты тарелками. Хантер позволил себе рассмотреть фигуру Эбби. Бесформенный кардиган, который она надевала каждый день, совершенно ее не красил. У Эбби были великолепные ноги, которые выглядели чудесно даже в страшной обуви. Хантер попытался представить, как бы они выглядели, надень она юбку покороче и туфли на высоком каблуке.

Он все еще рассматривал Эбби, когда она поставила тарелку с заказом на стол перед ним.

– Что это? – спросила она, увидев фотографию.

Поскольку эта тема требовала объяснений, Хантер сначала проглотил кусок яичницы.

– Вы, – кратко произнес он.

– Я знаю, что я. Когда вы это сняли?

– Вчера. Прямо здесь, на тротуаре.

Ее брови сошлись на переносице.

– Как? Вы что, преследовали меня?

– Не говорите ерунду. – Хотя, принимая во внимание случившееся, он понимал, как ей в голову могла прийти такая мысль. – Я живу на той стороне улицы. Этот кадр я снял, когда возвращался домой.

– Не сказав ни слова?

– Не хотел портить кадр.

– Вместо этого вы решили подкрасться.

Хантер положил вилку на стол:

– Я был осторожен. Так поступает хороший фотограф.

– Можно? – Нерешительно посмотрев на него, Эбби вытерла руки о свой фартук и взяла фотографию. – Ух ты... – произнесла она через минуту.

Точно такой же была и его реакция, когда Хантер закончил цифровую обработку. Обычно его не интересовали комплименты, он был достаточно уверен в своих способностях, чтобы мнение других не влияло на него. Но удивленный шепот Эбби и искреннее восхищение на ее лице наполнили его удовлетворением.

– Я выгляжу... – Подыскивая подходящее слово, она прикусила верхнюю губу.

Это был такой выразительный жест, что Хантер с трудом удержался, чтобы не схватить камеру и не снять это. Наконец она положила фотографию на стол.

– Уставшей, – сказала она. – Я выгляжу уставшей.

– Да, это так. – Не было никакого смысла врать ей. – Но я думаю, вы не видите главного. – Усталость была лишь частью

того, что делало ее – точнее, ее изображение – таким пленительным. – Эта фотография рассказывает целую историю.

– Что? Историю о том, как тяжело женщине заработать денег? Как ни печально, но это, должно быть, самый лучший снимок, который у меня когда-либо был. – Она стала серьезной, пробежавшись кончиками пальцев по глянцевой бумаге.

– Неудивительно. Вероятно, это первый раз, когда вас снимал хороший фотограф.

Эбби засмеялась. Короткий, мягкий смех, от которого черты ее лица засияли. К удивлению Хантера, вид ее сияющего лица зажег огонь где-то глубоко внутри его.

– Жаль, что я не знала. Могла бы избежать кучи ужасных снимков с праздников за последние годы. Уоррен говорил, что я выгляжу как олень под дулом ружья.

– А на самом деле? – спросил Хантер. – У вас было чувство, что вас сейчас пристрелят?

Она подняла взгляд карих глаза и посмотрела прямо на него:

– Я думала, вы сказали, что дело в фотографии.

– Фотографы еще и показывают реальность.

– Разве это не подтверждает, что я правда выгляжу ужасно?

– Ну, если только вы действительно выглядите ужасно, начнем с этого.

– Да, конечно. – Ее щеки окрасились в розовый цвет, и

она усталилась в пол.

Это заставило Хантера задуматься, как часто она вообще слышала комплименты.

Хантер передал ей фотографию:

– Вот.

– Вы отдаете это мне?

– Почему нет? Это ваша фотография.

– Да, но... – Что бы она ни собиралась сказать, все слова испарились, когда ее рука случайно прикоснулась к его.

Хантер заметил, как ее зрачки расширились. Она боится мужчин? Ее зрачки стали широкими и темными, превратив радужную оболочку в тонкую коричневую полосу.

Вопреки всем доводам разума ему хотелось продлить этот контакт, поэтому он аккуратно провел указательным пальцем по тыльной стороне ее ладони. Эбби отдернула руку. Хантер почувствовал, как горит ее кожа.

– Спасибо вам, – прошептала она.

– Пожалуйста.

– Так вот как ты заботишься о своих клиентах?

Уоррен. Эбби вздрогнула, уронив фотографию на пол. Прежде чем она или Хантер успели пошевелиться, ее бывший бойфренд наклонился и подобрал снимок. Эбби попыталась отобрать его, но Уоррен крепко держал добычу.

– Красивая картинка. Ты выглядишь... хорошо.

Эбби не могла ответить. Все внутри ее сжалось. В противоположном конце зала она видела Гая, который смотрел на

них. Лишь бы не было проблем!

– Я ясно вчера сказала, что не хочу тебя больше видеть.

– Так это было вчера. Я решил, что у тебя было время все обдумать и изменить свое мнение. Конечно, это было еще до того, как я понял, почему ты не хотела меня больше видеть.

Взгляд Уоррена был тяжелым. Эбби знала такой взгляд очень хорошо. Его спокойствие было напускным, это было затишье перед бурей.

Но разве она не сказала Хантеру, что контролирует ситуацию? Она расправила плечи:

– Уоррен, тебе нужно уйти.

– Я не уйду, пока мы не поговорим. Ты поменяла номер телефона.

– Это должно было послужить намеком, что я не хочу разговаривать с тобой.

– Ну перестань, малышка! Хватит упрямиться! Я знаю, что все испортил, но это не значит, что надо убегать. Давай выйдем отсюда и поговорим. Ты увидишь, как я сожалею, и передумаешь.

Ни за что!

– Я никуда с тобой не пойду.

– Ну вот, опять ты упрямишься.

Уоррен попытался схватить ее за руку, но Эбби дернулась и увернулась.

– Ну да, конечно! Мне нельзя и притронуться к тебе, зато ему вон позволено лапать тебя сколько влезет! – зарычал он.

– Она же сказала, что не хочет разговаривать с тобой.

Прекрасно. До этого момента Хантер был само спокойствие. Но что случилось с его способностью оставаться в стороне?

– Я разберусь с этим, Хантер, – сказала Эбби.

Лицо Уоррена покрылось пятнами и стало еще краснее.

– Этим?!

Слишком поздно Эбби поняла, что выбрала совсем не те слова. Выключатель щелкнул, и появился настоящий Уоррен.

– Ты думаешь, я – это что-то, с чем тебе нужно «разобраться»?

– Я не то имела в виду.

– Я знаю, что ты имела в виду, неблагодарная корова! – В этот раз ему удалось схватить Эбби за руку. – С меня хватит этих игр. Пойдем.

– Нет.

Уоррен неожиданно дернул ее. Эбби поморщилась.

– Леди сказала «нет». – Хантер поднялся со своего места и встал между ними.

– Убирайся с моего пути, – прорычал Уоррен.

– Как насчет того, чтобы отпустить ее руку?

К этому моменту все остальные посетители уже наблюдали за ними. Гай вышел с кухни, и, судя по его виду, оставалось не больше двух секунд до того, как он выкинет их всех на улицу. Пульс Эбби бился с огромной скоростью. Она уже

подумывала о том, чтобы пойти с Уорреном, лишь бы не дать этой ужасной сцене продолжаться на глазах у всех.

– Мы можем поговорить, – произнесла она, желая найти компромисс. – Но только здесь. Садись за стол, я принесу тебе кофе.

Это не сработало.

– С каких это пор ты мне указываешь? И это после всего, что я для тебя сделал? Да тебе несказанно повезло, что я готов принять тебя обратно, забыв об унижении, которому ты меня подвергла!

– Я не вернусь к тебе! – Эбби дернула руку, чтобы освободить ее, но стукнулась о столик Хантера, опрокинув его чашку с кофе. Горячая жидкость полилась через край стола, заливая камеру, лежащую на стуле.

– Черт возьми! – Хантер схватил камеру как раз в тот момент, когда кофе только залил внешний корпус. – Эта камера стоит пять тысяч долларов!

– Так тебе и надо! Не будешь лезть туда, куда тебя не просят! – насмешливо сказал Уоррен.

Хантер положил камеру на чистый стол и спросил:

– Так что?

Его голос был низким, он произносил слова очень отчетливо. По сравнению с воплями Уоррена его спокойная уверенность напоминала лед. Казалось, воздух в кафе заледенел.

– Мне кажется, – продолжал Хантер, подходя к Уоррену, –

все проблемы начались как раз тогда, когда ты вошел в эту дверь. Так что, если моя камера пострадала, тебе придется заплатить за нее.

Бывший бойфренд Эбби засмеялся:

– Не буду я ни за что платить!

Хантер сделал еще один шаг:

– А я думаю, что будешь.

– Так, вы, трое... – слышался голос босса Эбби.

Прекрасно. Уоррен готов пойти в бой, а все из-за денег. Он бы не задумываясь забежал в горящее здание, если бы нужно было спасти пять тысяч долларов. А тем временем Гай приближался. Эбби застонала. Все могло кончиться только одним: ее увольнением. Она быстро встала между двумя мужчинами, надеясь вернуть контроль над ситуацией до того, как Гай что-нибудь предпримет.

– Парни, слушайте, я уверена, если есть проблема, то мы можем...

– Не лезь сюда! – С этими словами Уоррен сделал то, что у него получалось лучше всего, – оттолкнул Эбби в сторону.

Находясь между двумя столами, Эбби не смогла удержаться, споткнулась о ножку одного из них и упала, сильно ударившись спиной. Оцарапав спину Эбби от лопаток до талии, стол упал вместе со всем, что стояло на нем. Чашки, ложки, вилки... и камера Хантера. Она ударилась об пол со странным звуком. В кафе все замерли.

После этого все произошло с молниеносной быстротой:

кто-то из посетителей захохотал, Гай начал вопить, и Эбби даже не успела вздохнуть, когда кулак Хантера встретился с челюстью Уоррена.

* * *

– Ты все еще думаешь, что держишь ситуацию под контролем? – спросил Хантер.

Они оба сидели на скамье нового здания суда. После удара Хантера и после того, как Гай выгнал их всех троих на улицу, Уоррен кинулся к ближайшему полицейскому, заявляя, что на него напали. В результате они все оказались в полицейском участке, где Хантер предложил полицейским спросить поподробнее о синяках на руке у Эбби. Служители закона так и сделали, и после целой кучи вопросов она оказалась здесь, в суде, в ожидании разговора об иске против Уоррена.

– Нет, – ответила Эбби. – Я могла бы поклясться, что просила тебя заниматься своими делами.

– То есть лучше было бы, если бы я позволил ему вывернуть тебе руку?

– Но ты же не из-за меня его ударил.

– Нет. Я ударил его, потому что он практически уничтожил мою камеру. И потому что он толкнул тебя.

– Да уж, не будем забывать об этом, – произнесла Эбби.

Не было смысла подчеркивать, что технически это именно она уронила камеру. И что камера вообще не упала бы,

если бы Хантер не вмешивался, как, по его же словам, предпочитал обычно поступать.

Вздыхнув, Эбби посмотрела на большие, сильные руки Хантера.

Поскольку Уоррен заявил о нападении, Хантер оказался обвиняемым. Счастье, что ее рыцарь в сияющих доспехах никогда прежде не совершал ничего противозаконного, иначе они могли бы еще до сих пор сидеть в участке.

Эбби еще раз вздохнула.

– Сделай мне одолжение. В следующий раз, когда я скажу, что разберусь с ситуацией, не лезь, пожалуйста! Мне все равно, чему учила тебя твоя мама-южанка.

– Напомнить тебе, что как раз твои слова «я сама разберусь» стали причиной проблемы? Конечно, если ты не подразумеваешь под «разобраться» – это дать возможность своему бывшему бойфренду вытащить тебя на улицу. Именно это он и собирался сделать.

Вспомнив хватку Уоррена на своей руке, Эбби содрогнулась. К сожалению, Хантер был прав. Она просто не могла себя заставить поблагодарить его. Пока нет.

– Ну, после встречи с судьей мне не придется больше беспокоиться об Уоррене. Ничего не объяснит ему более доходчиво, что мы расстались, чем судебный запрет.

– Я удивлен, что ты раньше не обращалась в суд, – заметил Хантер.

– Не думала, что мне это понадобится.

Почему скамьи в здании суда такие неудобные?

Из-за того, что было тесно, Эбби и Хантеру приходилось сидеть вплотную друг с другом. Хотя именно Хантер с его крупной фигурой занимал слишком много места. Его нога была тесно прижата к ее ноге. И Эбби чувствовала, как его куртка задевает ее рукав при каждом его вздохе. Жар, разгоравшийся в теле, выбивал ее из равновесия. Эбби постаралась отодвинуться немного, но ничего не вышло. Куда бы она ни переместилась, там был Хантер, его крепкое, поджарое тело, тесно прижатое к ней.

Это какое-то сумасшествие. Она находилась в здании суда, в конце концов, подавая заявление на судебный запрет. Закутавшись в кардиган, Эбби встала, вздрогнув, когда одежда задела ее синяки и ссадины.

– Как твоя спина? – спросил Хантер.

Сказать правду? Ее спина горела при каждом движении, а головная боль терзала виски.

– Бывало и хуже.

– Ты всегда так плохо врешь?

Глаза Эбби сузились.

– А что я еще могу сказать? Я совершенно выбита из колеи.

Разве можно было ее в этом винить? Слишком много всего произошло за очень короткое время. Эбби требовалась перезарядка. Она отошла на другую сторону коридора и прислонилась к стене, чувствуя горячую благодарность за допол-

нительное личное пространство.

Хантер сидел на скамье, упершись локтями в колени. Эбби была так зла на него, что не обратила внимания, насколько уставшим он выглядел.

– Почему ты все еще здесь? – спросила она, озвучив мысль, которая волновала ее все это время. – Полиция тебя отпустила пару часов назад.

– Я уже столько времени здесь провел. Хочется все-таки увидеть, чем дело закончится.

Эбби почувствовала себя еще более неловко. Она провела пальцами по волосам, убирая выпавшие пряди с лица.

– Я думала, ты не из разряда спасателей.

– Конечно нет. Но и не из тех, кто бросает дело на середине пути.

– Так вот, значит, как ты меня воспринимаешь? Как неоконченное дело?

– Не тебя, а твоего тупицу-бойфренда, – ответил Хантер. – Как ты вообще могла с ним связаться?

Этот же вопрос Эбби задавала себе уже миллион раз и так и не нашла ответа.

– Он был другим, когда мы встретились. Он покупал мне подарки. Водил в разные места. Вот я и повелась. – Она физически чувствовала взгляд Хантера на себе, чувствовала, что он ждет продолжения. – Ты должен понять. Я не привыкла к хорошему отношению. Или к вниманию, – добавила она, крутя пуговицу. – Ну да, бывало, он выходил из себя

изредка, но потом всегда очень искренне сожалел об этом. Разве не так бывает во всех обычных семьях?

Хантер вопросительно изогнул бровь.

– Мне было всего девятнадцать лет. Что я могла знать?

Что Эбби беспокоило во всей этой истории, так это как быстро она превратила Уоррена в центр своей вселенной. Все, что она делала последние годы, было для него. Ради его настроения, ради его желаний. Она позволила себе раствориться в нем. И это стало ее самой большой ошибкой. А все потому, что он мог быть милым.

– Звучит глупо, правда? – обратилась она к Хантеру, но с таким же успехом могла беседовать сама с собой.

Фотограф даже не пошевелился, только опустил взгляд в пол. Эбби очень хотелось посмотреть в его глаза, понять, что он обо всем этом думает. Но разве мог вообще такой человек, как Хантер, понять ее?

– Я взял себе за правило никогда и никого не судить, – произнес он, изучая свою ладонь.

– Правда?

Хотя его взгляд все еще был направлен в пол, Эбби заметила, как нерв на его щеке дернулся.

– Я приучил себя не строить никаких предположений относительно чего-либо. Или кого-либо.

– Был плохой опыт?

Хантер поднял глаза, и Эбби была шокирована тем, каким закрытым стало его лицо. Будто стальная завеса опустилась

на его глаза.

– Можно и так сказать.

Эбби прекрасно знала этот тон. Напряженно, немногословно. Он не хотел говорить на эту тему. Это ее историю они здесь обсуждали, не его.

– В конце концов я все же пришла в себя, – продолжила она, – и однажды, когда он был на работе, взяла деньги, отложенные на бакалейную лавку на ближайшие три месяца, и ушла от него. – Конечно же, это была не вся история. Далеко не вся. К таким решениям не приходят за одну ночь. Однако Эбби и так уже сказала достаточно. Не только Хантер не хотел обсуждать все это. – Но я даже представить не могла, что буду сидеть тут.

– Ты все еще любишь его?

– О боже, конечно же нет! – воскликнула она, удивленная тем, с каким жаром произнесла эти слова. – Чувства умерли уже давным-давно. Я тебе вот что скажу. Шесть лет назад я бы ни за что не поверила, что все закончится судом.

– Значит, дорогая, нас уже двое.

Дверь в кабинет судьи открылась, не давая возможности Эбби ответить.

– Судья ждет вас, мисс Грей, – сообщила женщина в форме.

Наконец-то. Эбби посмотрела на Хантера, надеясь на какое-нибудь чудо.

– Пора выкинуть Уоррена из моей жизни раз и навсегда, –

сказала она, стараясь придать голосу решительности. И, дойдя до двери, добавила себе под нос: – Жаль только, что для этого пришлось оказаться здесь.

«Мне тоже», – подумал Хантер, следуя за ней в зал суда.

Существовала тысяча способов провести сегодняшний день гораздо лучше. Эбби была права: Хантеру не нужно здесь находиться.

Если бы он не ударил Уоррена, тот не заявил бы в полицию. Но камера была для Хантера как ребенок, черт возьми! Что еще ему оставалось делать? Дать этому придурку раздолбить ее?

И конечно же эта внезапная вспышка гнева Хантера случилась только из-за его оборудования и абсолютно не была связана с тем, как негодяй обошелся с Эбби. Хантер пытался убедить себя в этом весь день.

Что с ним случилось? Его заботой было ловить моменты и запечатлевать их на пленку, а не участвовать в происходящем самому. И чем все закончилось? Он уже два дня пытается изображать героя.

Процесс в кабинете у судьи пошел на удивление быстро. Тут Хантер должен был отдать должное Эбби. Было непросто отвечать на одни и те же вопросы снова и снова. Судья по ее позе, она пострадала гораздо сильнее, чем показывала, но выдавали ее только пальцы, нервно теребившие край кофты. Хантер обнаружил, что очень хочет сжать руку Эбби и успокоить ее.

У судьи ушло не больше десяти минут на то, чтобы согласовать ее заявление и выписать временный ордер. Кто-то из людей шерифа сегодня вечером проследит за тем, чтобы Уоррен был ознакомлен с документом. Хантер заметил, как расслабились плечи Эбби, когда она услышала это.

– Поздравляю! – сказал он, когда они встретились у двери.

– Ты говоришь так, будто я выиграла в лотерею.

– Но ты избавилась от бывшего.

Однако она совсем не чувствовала облегчения, и Хантер не преминул это отметить.

– Не говори ерунду! – воскликнула Эбби, наградив его возмущенным взглядом. – Это просто... Я чувствую себя идиоткой из-за того, что купилась на его притворство.

– Это случается и с лучшими из нас.

Она глянула на него краем глаза:

– Значит, и с тобой такое было?

– Значит, что ты, вероятно, не единственная, кого Уоррен обвел вокруг пальца.

Двери лифта открылись, и они вошли внутрь. Хантер тут же прошел вглубь. Он слишком хорошо понимал то, что произошло с Эбби.

Отодвинув неприятные воспоминания подальше, где им и было место, он продолжил:

– Если это может послужить утешением, могу сказать, что знаю такой тип людей. Когда они сталкиваются с серьезным препятствием, они отступают. Еще дней пятнадцать, и он пе-

реключится на кого-нибудь другого.

– То есть какая-нибудь другая женщина попадет в те же сети и пройдет через то же самое, что прошла я? Вот повезет ей.

Хантер не знал, как ответить на это.

Они молча проехали вниз три этажа. Это был очень долгий день. Взглянув украдкой на Эбби, Хантер пожалел, что его камера далеко. Она бы, конечно, не захотела ничего слушать, но ее лицо в этот момент было просто как книга, рассказывающая целую историю. Флуоресцентный свет придавал странный цвет ее коже, отчего более явной стала усталость. Круги под глазами, хрупкая линия плеч. Ее макияж стерся уже много часов назад, а ее волосы... Волосы были в полнейшем беспорядке. Собранные с утра в хвостик, теперь они превратились во что-то совершенно бесформенное. Большинство прядей выбилось, а те, что остались собранными, готовы были вырваться на волю в любой момент. Интересно, ее мысли тоже были в таком же состоянии?

Когда они вышли из здания, тени растянулись от стен зданий, поглощая все большую и большую часть улицы. В это время года солнце заходило рано. Через несколько часов на улицах уже будет совершенно темно. Самое подходящее время, чтобы сделать несколько снимков. Но его вспышка и все осветительные приборы были в квартире.

– Что ты собираешься делать? – спросил он Эбби. – Пойдешь домой?

Этот вопрос напомнил ему, как мало он знает о ее жизни, не связанной с кафе. Есть ли у Эбби дом? Она сказала, что ушла с небольшой суммой денег. Какое жилье можно снять на эти деньги? Хантера смутило осознание того, что он понятия не имеет о таких вещах.

– Вообще, я думала о том, чтобы вернуться в кафе. Мне надо поговорить с Гаем о моей работе. Если, конечно, у меня все еще есть работа, – добавила Эбби тихим голосом.

– Уверен, после того, как ты объяснишь ситуацию...

Судя по взгляду, который Эбби метнула в него, она верила в такую вероятность не больше, чем он.

– Конечно же он поймет! Гай такой понимающий! Уверена, что он просто шутил, когда выгонял нас.

К сожалению, Эбби, скорее всего, была права и ее работа уже стала историей. Хантеру было не по себе из-за этого. Такси подъехало к тротуару. Он подвел Эбби к задней дверце, открыл ее и подтолкнул к сиденью:

– Нам ехать в одну сторону. Нет смысла вызывать отдельные машины.

– Да, правда.

Несмотря на то что в ее голосе совсем не чувствовалось воодушевления, Эбби все же скользнула на кожаное сиденье и замерла на полпути. И... Святая Матерь Божья – неужели она все это время прятала такие ноги под этой ужасной юбкой?! Ее форменная юбка задралась, открывая взору пару кремовых бедер.

– Есть одна вещь... – сказала она. – Если вдруг случится невозможное и я уговорю Гая не увольнять меня, я бы хотела попросить тебя кое-что сделать.

– Да, конечно. – Все еще под впечатлением от увиденного, Хантер был рад дать ей возможность говорить. Особенно если это даст ему шанс продолжать любоваться зрелищем. – Только скажи. – Он заставил себя посмотреть ей в глаза.

Взгляд, который он встретил, был одновременно и горячим и ледяным.

– Найди себе какое-нибудь другое место для завтраков.

Глава 3

– Убирайся отсюда.

Эбби обернулась, надеясь, что Гай говорит это Хантеру, а не ей. Фотограф настоял на том, чтобы проводить ее, хоть она и просила этого не делать.

План был прост: поймать Гая, когда он будет закрывать кафе, извиниться перед ним и убедить его в том, что Уоррен больше не появится. Если будет необходимо, поумолять его немного. Но не успела Эбби ступить на порог, как босс с полотенцем, свисающим с плеч, начал трясти крючковатым пальцем.

– Оба! – кричал он. – Вон!

– Можем мы поговорить об этом?

– Нам не о чем разговаривать. Я предупреждал тебя, когда нанимал на работу, чтобы ты все драмы личной жизни оставляла снаружи, и я именно это имел в виду. Если у тебя не получается, тогда до свидания. Там полным-полно официанток, которые могут выполнять твою работу, не провоцируя кулачные бои в разгар завтрака.

– Эбби не провоцировала драку, – вмешался Хантер.

– Не лезь в это, – резко бросила она фотографу. Его помощь уже и так вызвала достаточно проблем.

– Прекрасно. – Он поднял руки, притворяясь, что сдаётся. – Делай как знаешь.

– Спасибо. – Жаль, что он не отступил с такой же легкостью сегодня утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.